

РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Санкт-Петербургской Духовной Академии
Русской Православной Церкви

№ 4 (19)

2024

А. Ю. Полунов

Славянский вопрос и дискуссии об основах российской внешней политики (1880-е — начало 90-х гг.)

УДК 327(470+571)(091)
DOI 10.47132/2588-0276_2024_4_194
EDN VCASUB

Аннотация: В статье рассматриваются изменения в характере и основных направлениях реализации российской внешней политики в 1880-е гг. Отмечается, что стимулом этих изменений было изменение ситуации на международной арене — прежде всего, ухудшение отношений со славянскими государствами Балкан, получившими или закрепившими независимость благодаря России по итогам войны 1877–1878 гг. В сложившейся ситуации часть общественных деятелей и публицистов заявляла о необходимости придать внешней политике государства сугубо прагматический характер, отказаться от идеологических мотивов — в частности, от представлений, что на России лежит обязанность оказывать помощь зарубежным «младшим братьям». Однако утвердиться такая установка не могла. В деятельности России на международной арене по-прежнему присутствовали идеологические компоненты. Однако теперь в качестве объектов покровительства рассматривались не зарубежные славяне, а народы более отдаленных регионов, в частности, эфиопы. Поиск новых «младших братьев» стал важной составляющей российской внешней политики конца XIX — начала XX в. Последствия подобной деятельности были неоднозначны, однако нельзя отрицать, что она опиралась на глубоко укорененные стереотипы общественного сознания и оставила глубокий след в истории России.

Ключевые слова: внешняя политика, идеология, прагматизм, национальные интересы, Балканы, славяне, В. А. Грингмут, А. А. Киреев, Эфиопия.

Об авторе: **Александр Юрьевич Полунов**

Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой управления в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений Факультета государственного управления Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

E-mail: polunov@spa.msu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4484-6003>

Для цитирования: Полунов А. Ю. Славянский вопрос и дискуссии об основах российской внешней политики (1880-е — начало 90-х гг.) // Русско-Византийский вестник. 2024. № 4 (19). С. 194–201.

RUSSIAN-BYZANTINE HERALD

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 4 (19)

2024

Alexander Yu. Polunov

The Slavic Question and Discussions about the Foundations of Russian Foreign Policy (1880s – early 90s)

UDC 327(470+571)(091)

DOI 10.47132/2588-0276_2024_4_194

EDN VCASUB

Abstract: The article examines the changes in the nature and main directions of Russian foreign policy in the 1880s. The changes under discussion were stimulated by the new situation on the international stage, first of all, the deterioration of relations with the Slavic states of the Balkans, which gained or consolidated their independence thanks to Russia following the war of 1877–1878. In this situation, some public figures and publicists declared the need to give the foreign policy of the state a purely pragmatic character, to abandon ideological motives – in particular, the notion that Russia is obliged to provide assistance to foreign “younger brothers”. However, such an attitude could not be established. Russia’s activities in the international arena still had ideological components. However, now, not foreign Slavs were considered as objects of patronage, but the peoples of more distant regions, in particular, the Ethiopians. The search for new “little brothers” became an important component of Russian foreign policy in the late nineteenth and early twentieth centuries. The consequences of such activities were ambiguous, but it cannot be denied that it was based on deeply rooted stereotypes of public consciousness and left a deep mark on the history of Russia.

Keywords: foreign policy, ideology, pragmatism, national interests, Balkans, Slavs, V. A. Gringmuth, A. A. Kireev, Ethiopia.

About the author: **Alexander Yurievich Polunov**

Dr. habil. in History, Professor, Head of the Department of Interethnic and Interdenominational Relations Management, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University.

E-mail: polunov@spa.msu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4484-6003>

For citation: Polunov A. Yu. The Slavic Question and Discussions about the Foundations of Russian Foreign Policy (1880s – early 90s). *Russian-Byzantine Herald*, 2024, no. 4 (19), pp. 194–201.

1880-е гг. в России ознаменовались рядом серьезных изменений в идеологическом обосновании внешней политики и основных направлениях ее реализации. Связано было это в первую очередь с последствиями русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и той эволюцией, которую претерпели отношения «империи царей» с государствами Балканского полуострова, созданными или укрепившими свою независимость при ее решающем участии. Переориентация этих государств на сотрудничество с Западом, неуклонное нарастание разногласий России с Сербией и, особенно, с Болгарией, завершившееся разрывом с последней дипломатических отношений, побуждали политических и общественных деятелей все более скептически относиться к еще недавно столь популярным лозунгам славянского единства. Подобные настроения охватили различные круги общества, были характерны для самых разных идеологических течений. Как отмечает современный исследователь А. Э. Котов, в этот период «антиславянские выпады в русской консервативной печати становятся общим местом»¹. Не были чужды данные идеи и представителям правящих верхов. По словам хорошо осведомленного придворного, генерала А. А. Киреева, цесаревич Александр Александрович, будущий Александр III, с 1860-х гг. сочувствовавший славянскому движению, уже к концу 1870-х разочаровался в нем и называл его «славянщиной»².

Вступив на престол, царь-мироотворец прямо провозгласил, что целью его внешней политики будет «извлекать из всего все, что нужно и полезно для России, и меньше женироваться (стесняться. — А. П.) для извлечения этой пользы, а действовать прямо и решительно». В духе подобных установок роль славянства в контексте российской внешней политики должна была оцениваться сугубо прагматически. «Довольно популярничать в ущерб истинным интересам России, — заявлял император в разгар так называемого Румелийского кризиса 1885 г., ставшего преддверием разрыва русско-болгарских отношений. — Славяне теперь должны сослужить службу России, а не мы им»³.

В целом все чаще заявлялось, что приемлемой формой поведения для великой державы на международной арене может быть лишь следование прагматическим интересам, отказ от разного рода идеологических (и тем более идеалистических) соображений. «Единственная здоровая основа великого государства... есть государственный эгоизм, а не романтика», — провозглашал известный дипломат и публицист С. С. Татищев, постоянный автор изданий М. Н. Каткова. По словам коллеги Татищева дипломата Ю. С. Карцова, впервые в статьях этого публициста «воспитанное на архаизмах официального слога и славянофильских туманностях, ознакомилось русское общество с холодным, сжатым и точным языком международных отношений»⁴. Однако окончательно остановиться на провозглашении эгоизма и прагматичности основным принципом внешней политики российские общественные и правительственные круги не могли. Их воззрения на международную миссию государства пережили в 1880–90-е гг. примечательную эволюцию, анализ которой позволяет выявить многие важные особенности идейно-духовной и общественно-политической жизни данного периода.

Показательной для рассматриваемой эволюции является дискуссия, развернувшаяся в начале 1890-х гг. на страницах одного из ведущих консервативных изданий — журнала «Русское обозрение». Участниками полемики стали видный сотрудник катковских изданий В. А. Грингмут и упоминавшийся выше

¹ Котов А. Э. Русская консервативная журналистика 1870–1890-х гг.: опыт ведения общественных дискуссий. СПб.: Книжный мир, 2010. С. 194.

² Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 126. Ед. хр. 8. Л. 11 об (Дневник А. А. Киреева, запись от 2 февраля 1879 г.).

³ Айрапетов О. Р. История внешней политики Российской империи. 1801–1914. Т. 3. М.: Кучково поле, 2018. С. 557, 602.

⁴ См.: Котов А. Э. «Царский путь» Михаила Каткова. Идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860–70-х гг. СПб.: Владимир Даль, 2016. С. 291, 295.

А. А. Киреев⁵. Последний был не только влиятельным придворным, но и известным публицистом, считал себя хранителем наследия славянофилов. Отстаивая заветы славянофильства и панславизма от натиска сторонников прагматического подхода во внешней политике, генерал заявлял, что Россия на международной арене не может отказаться от возложенной на нее историей миссии защиты братьев по вере и крови. «Кому же... как не нам, как не могущественной православной России, заботиться о наших гонимых и притесняемых братьях, всюду, где бы они не оказались? — вопрошал Киреев. — Можем ли мы остаться равнодушными зрителями отчаянной борьбы за существование нашей же, хотя и заграничной, Православной Церкви?»⁶

По мнению генерала, выдвигание во внешней политике на первый план корыстных, прагматических задач свидетельствует об упадке нации, ее «старении». Публицист воспевал «наивный, славянофильский» взгляд на назначение власти, который «ставит государству другие цели, не практические — юношеские, идеальные... безо всякой материальной выгоды». Страна может жить и действовать на международной арене только при условии осознания своей великой миссии, реализация которой далеко не всегда приносит немедленные материальные и политические дивиденды. Без этого неизбежно оттеснение на вторые роли в ходе мирового исторического процесса. «Народ, замыкающийся в своих границах, не принимающий участия в истории человечества, отказывающийся от своих исторических идеалов, действительно начинает сходить со сцены, начинает гнить, клониться к упадку и обречен на исчезновение», — утверждал Киреев⁷.

Оппонент генерала Грингмут, сторонник прагматических установок, резко выступал против подобных воззрений. На международной арене, по мнению публициста, царили материальные интересы — во всяком случае, поведение балканских славян в 1880-е гг. доказывало именно это. Получив или закрепив свою свободу благодаря России, они немедленно начали искать более богатых покровителей. «Россия является для австрийских и турецких Славян не целью их стремлений, как мы себе иногда воображаем, а лишь средством их европеизации», — утверждал публицист. Стремление «империи царей» оказать славянам помощь, в том числе в освобождении от «западного ига», выглядит в новых условиях нелепо — ведь сами балканские государства такой помощи не желают. «Освобождать кого-нибудь от таких обид, которых он сам не признает, противоречит одному из основных принципов права: *volentem non fit iniuria* («нет обиды изъязвившему согласие»). — А. П.), — утверждал публицист⁸.

Отстаивая прагматический подход к вопросам внешней политики, Грингмут призывал не строить ее на принципах языкового и этнического родства — столь важную сферу деятельности государства нельзя основывать на «филологических соображениях». В целом, по мнению публициста, чтобы не впасть в очередной раз в соблазн мессианства, России следовало уделять меньше внимания масштабным международным планам и всемерно сосредоточиться на решении внутривосточных проблем. Это касалось и ситуации на Балканах. «То, что осталось от Восточного вопроса, — утверждал Грингмут, — может оставаться в настоящем ненормальном своем виде до тех пор, пока Россия найдет для себя удобным уничтожить сразу, одним махом все оставшиеся еще на Балканах политические шероховатости». В сложившейся ситуации «империи

---

⁵ О дискуссии между Киреевым и Грингмутом, в которой также принял участие главный редактор журнала Д. Н. Цертелев, см.: *Медоваров М. В.* Геополитические концепции русских консерваторов 1890-х годов. По материалам журнала «Русское обозрение» и его оппонентов // Тетради по консерватизму. 2020. № 3. С. 85–98.

⁶ *Киреев А. А.* Россия и славяне. Второй ответ *Spectator*'у // Русское обозрение (далее — РО). 1891. № 3. С. 218. Говоря о борьбе за существование заграничной Православной Церкви, Киреев имел в виду активизацию католической пропаганды на Балканах, поддерживаемой Австро-Венгрией, секуляризационные меры проавстрийского правительства Сербии и репрессии в Болгарии против церковных иерархов, сочувствовавших России.

⁷ *Киреев А. А.* В защиту «братушек» (письмо к редактору) // РО. 1890. № 8. С. 835, 841.

⁸ *Spectator*. Текущие вопросы международной политики. IV. Наши братья // РО. 1890. № 7. С. 374; Современная летопись // РО. 1891. № 2. С. 895.

царей» следовало терпеливо «набираться нравственных и материальных сил, не расходуя их по мелочам на решение каких-нибудь частных, в сущности микроскопических вопросов, возникающих как мимолетные прыщи на Балканском полуострове»⁹.

Рассуждая подобным образом, автор «Московских ведомостей», казалось бы, окончательно приходил к обоснованию отказа от всяких идеальных принципов в области внешней политики, апологии сугубо материальных целей и задач. Однако окончательно остановиться на утверждении такого подхода он не мог. Торжество данных принципов не могло не сказаться негативно на реализации политики внутренней, прежде всего в идеологической сфере, на что не преминул указать Киреев. «Передав Восток в чужие руки <...>, — подчеркивал генерал, — мы и у себя дома не исполним своей программы; как, например, будем мы развивать в нашем молодом поколении уважение и любовь к чувству народности, уча его относиться безразлично к поправанию этого чувства у наших соседей, и притом у народов, нам родственных?»¹⁰ Грингмут признавал весомость подобных аргументов и вынужден был в связи с этим в некоторых отношениях допустить правоту оппонента. «В известном смысле мы готовы согласиться с А. А. Киреевым, — писал журналист-катковец, — способность жертвовать своими материальными выгодами ради высших интересов есть, конечно, доказательство жизненных сил страны»¹¹.

Вставал вопрос, в чем же могут заключаться эти высшие интересы, с какими регионами и народами они должны быть связаны. Решая его, Грингмут приходил к примечательным выводам. По его мнению, об ориентации России на взаимодействие с зарубежными славянами, восприятию их как своих союзников уже не могло идти речи. Последние полностью подчинились европейским влияниям и стали частью западного мира. Однако перед «империей царей» открывался «Восток в широком смысле слова» — огромная часть мира, в состав которой Грингмут, в частности, включал Иерусалим, Корею и Абиссению¹². Эти весьма разнородные регионы, в разной степени вызывавшие в то время интерес российской дипломатии, объединяло одно общее свойство. Они находились более или менее в стороне от традиционных направлений европейской политики, и возможность сосредоточиться на них, по мнению Грингмута, отвлекла бы русское общество и дипломатию от чрезмерного увлечения делами Запада. Открывалась также возможность отыскать новых «младших братьев», которые стали бы заменой зарубежным славянам, играли бы роль их аналога.

История поиска и обретения Россией новых подопечных в разных частях земного шара, охватывающая 1880-е — начало 1900-х гг., представляет собой самостоятельную и весьма обширную тему. В рамках данной статьи хотелось бы остановиться на одном из ее аспектов — установлении Россией контактов с одним из названных Грингмутом регионов, Абиссинией (Эфиопией). Эта страна, единственная в Африке издревле исповедовавшая христианство, начала открываться окружающему миру в 1880-е гг. — как раз в то время, когда в России нарастало разочарование в славянах. В этих условиях неудивительно, что рассказы путешественников о далеком государстве, населенном христианами восточного обряда, отражавшими натиск и соседей-мусульман, и европейских колонизаторов, вызывали в русском обществе живейший интерес.

В повествованиях путешественников, а затем и в статьях публицистов и в рассказывавших об Эфиопии многочисленных изданиях для народа жители африканской страны наделялись чертами, которые еще недавно приписывались зарубежным славянам. Так, считалось, что, в отличие от стран Запада, абиссинцы сохранили патриархальную простоту и чистоту нравов, сочетающуюся с чувством личного достоинства. В среде африканских христиан хранились традиции, перенятые от великих цивилизаций древности. Так, по словам полковника Л. К. Артамонова, сопровождавшего

⁹ *Spectator*. Текущие вопросы международной политики. В. Г. Татищев и г. Стамболов // РО. 1890. № 9. С. 425.

¹⁰ Киреев А. А. Россия и славяне. Второй ответ *Spectator*'у // РО. 1891. № 3. С. 224.

¹¹ Современная летопись // РО. 1891. № 7. С. 424.

¹² *Spectator*. Современные вопросы. I. Россия на распутьи // РО. 1894. № 10. С. 849–853

первую официальную русскую миссию в Эфиопию в 1897 г., от обстановки императорского дворца в Аддис-Абебе во время приема русской миссии веяло «чем-то очень древним, классическим, византийским». Правитель африканской страны предстал как «уверенный в себе и полный чувства собственного достоинства государь, окруженный толпой вассалов и феодалов», «но не деспот вроде среднеазиатского хана, снимающий головы с придворных по первой прихоти»¹³.

Рассказывая о жителях Эфиопии, русские путешественники подчеркивали их стремление следовать в бою строгому кодексу чести, что выгодно отличало их от европейцев, кичащихся своей высокой культурой. Так, в ходе столкновений с итальянцами, пытавшимися в 1890-е гг. захватить африканскую страну, чернокожие христиане предстали «рыцарями и джентльменами», тогда как их якобы «цивилизованные» противники «напоминали собой дикую, варварскую толпу, которая кроме бездушия, варварства и позорной трусости, ничего не проявляла»¹⁴. В целом, многовековая борьба Эфиопии против многочисленных сильных врагов вызвала в России всемерное уважение. «Надо удивляться, — писал побывавший в африканском государстве в 1889 и 1891–1892 гг. поручик В. Ф. Машков, — что при таких ужасных условиях, в какие была поставлена небольшая, бедная и слабая духовным развитием страна, она не только отстояла свою независимость, но и сохранила чистой свою веру, обычаи, язык и национальность»¹⁵.

Важнейшей особенностью общественного строя Эфиопии, привлекавшей симпатии русских современников, был также проникнутый церковными началами бытовой уклад. Благодаря этому, как отмечал автор одного из духовных журналов, жизнь абиссинцев в некоторых отношениях до деталей напоминала «по своему характеру жизнь и нравы наших благочестивых предков в допетровский период нашей истории»¹⁶. Консервативно и религиозно настроенные авторы не без зависти рисовали величественную картину африканской страны-монастыря, где правители вели полумонашеский образ жизни, покровительствовали Церкви и смиренно выслушивали поучения иноков, где строго соблюдались все церковные обряды, люди были «проникнуты покаянным чувством», а для народа не было «других интересов, кроме религиозных»¹⁷, где главными центрами образования и культуры являлись монашеские обители, где духовные лица, подобно Пересвету и Осябли, вели войска в бой. Понятно, что народ, историческое развитие которого столь сильно напоминало прошлое России, а духовные качества были близки к тем, которые ранее приписывали «славянским братьям», заслуживал всемерной поддержки. Призывы к такой поддержке не замедлили явиться.

Многочисленные высказывания, рассеянные по страницам дипломатической переписки, дневникам и воспоминаниям путешественников, свидетельствовали о том, что с Эфиопией стали связываться традиционные представления о том, что Россия призвана оказать бескорыстную помощь «далеким братьям». Только теперь в качестве таковых представляли не зарубежные славяне, а африканские христиане. «Сильные и просвещенные страны Европы, — писал священник Иоанн Вуколов, имея в виду, конечно, в первую очередь Россию, — должны во имя Христова спасти малую Абиссинию, сильную древнеотеческой верой и любовью к родине... Европейские христиане должны прийти к Абиссианам только во имя Христа, без всяких задних и своекорыстных видов»¹⁸.

¹³ Письмо Л. К. Артамонова герцогу Г. Г. Мекленбург-Стрелицкому от 18–20 февраля 1898 г. (Государственный архив Российской Федерации. Ф. 694. Оп. 1. Д. 613. Л. 10–10 об).

¹⁴ *Ефрем, архим.* Поездка в Абиссинию. М.: Университетская тип., 1901. С. 100.

¹⁵ *Федоров В. [Машков В. А.]* Абиссиния. Историко-географический очерк. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1889. С. 28.

¹⁶ *Вуколов Иоанн, свящ.* Рассказы абиссинца // Труды Киевской духовной академии. 1893. № 1. С. 119.

¹⁷ *Долганев Е. Е.* Современная Абиссиния // Богословский вестник. 1895. № 8. С. 251 (2-я пагинация). 1896. № 1. С. 116 (2-я пагинация).

¹⁸ *Вуколов Иоанн, свящ.* Рассказы абиссинца. С. 96.

Заявления, сходные с высказыванием духовного лица, звучали и из уст представителей иных социальных кругов и групп — в частности, офицеров, отправлявшихся с официальными миссиями в Эфиопию. «Россия, историческими судьбами поставленная во главе восточного христианства и нравственно ответственная за судьбу каждого его отдельного члена, согласно своим вековым традициям, едва ли может оставаться спокойной зрительницей [того], как политически и духовно тяготеющая к нам страна... потеряет свою самостоятельность», — писал упоминавшийся выше поручик В. Ф. Машков в своей записке, направленной в Главный штаб в 1890 г.¹⁹ Разъясняя французскому офицеру Ж.-Б. Маршану задачи российской политики в Эфиопии, поручик А. К. Булатович (впоследствии известный церковный деятель иеромонах Антоний) подчеркнул, что ее суть — «выражение традиционного сочувствия наших государей и России к слабейшим угнетенным христианам»²⁰. Подобные подходы, утвердившиеся в сознании российских современников, способствовали тому, что на рубеже XIX–XX вв. Российской империей был предпринят целый ряд мер по установлению контактов с африканской страной и оказанию ей помощи на международной арене²¹.

Подводя итог, необходимо отметить, что из двух альтернатив, обозначившихся в ходе дискуссии конца 1880 — начала 1890-х гг. о характере и предназначении российской внешней политики, в конечном счете возобладал вариант, предложенный А. А. Киреевым. В деятельности государства на международной арене в очень большой степени продолжали звучать идеологические (и идеалистические) мотивы — представление о наличии у империи особой миссии, стремление к осуществлению масштабных внешнеполитических проектов, нацеленных на помощь «униженным и оскорбленным» за пределами страны. Разочарования в славянах как в «младших братьях» не привело к разрушению данных установок — просто теперь они были перенесены на жителей более отдаленных регионов, в частности, эфиопов, в духовном облике которых стали искать черты, ранее приписывавшиеся славянским народам.

Эфиопы оказались не единственным объектом подобного перенесения. Одновременно с ними сходное отношение проявлялось в действиях российских дипломатов, общественных и церковных деятелей к православным арабам Палестины и Сирии, ассирийцам Северной Персии, в известной степени — к буддистам Дальнего Востока²². В целом, поиск новых «младших братьев» стал важной составляющей российской внешней политики конца XIX — начала XX в. Последствия подобной деятельности были неоднозначны, однако нельзя отрицать, что она опиралась на глубоко укорененные стереотипы общественного сознания и оставила глубокий след в истории России.

Источники и литература

1. Айрапетов О. Р. История внешней политики Российской империи. 1801–1914. Т. 3. М.: Кучково поле, 2018.
2. Булатович А. К. Третье путешествие по Эфиопии. М.: Наука. 1987.
3. Вуколов Иоанн, свящ. Рассказы абиссинца // Труды Киевской духовной академии. 1893. № 1.
4. ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации. Ф. 694. Оп. 1. Д. 613. Л. 10–10 об.

¹⁹ Российско-эфиопские отношения в XIX — начале XX в.: Сб. документов. М.: Восточная литература, 1998. С. 138–139

²⁰ Булатович А. К. Третье путешествие по Эфиопии. М.: Наука. 1987. С. 37.

²¹ См.: Хренков А. В. Россия и Эфиопия: развитие двусторонних связей (от первых контактов до 1917 г.). М.: Институт Африки РАН, 1992.

²² См.: Полунов А. Ю. Живое самодержавие, Африка и Азия: к вопросу о взаимосвязи внутренней и внешней политики в России конца XIX — начала XX в. // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. XXVI. М.: Модест Колеров, 2018. С. 245–262.

5. Долганев Е. Е. Современная Абиссиния // Богословский вестник. 1895. № 8. 1896. № 1.
6. Ефрем, архимандрит. Поездка в Абиссинию. М.: Университетская тип., 1901.
7. Киреев А. А. В защиту «братушек» (письмо к редактору) // Русское обозрение. 1890. № 8.
8. Киреев А. А. Россия и славяне. Второй ответ Spectator'у // Русское обозрение. 1891. № 3.
9. Киреев А. А. Россия и славяне. Второй ответ Spectator'у // Русское обозрение. 1891. № 3.
10. Котов А. Э. «Царский путь» Михаила Каткова. Идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860–70-х гг. СПб.: Владимир Даль, 2016.
11. Котов А. Э. Русская консервативная журналистика 1870–1890-х гг.: опыт ведения общественных дискуссий. СПб.: Книжный мир, 2010.
12. Медоваров М. В. Геополитические концепции русских консерваторов 1890-х годов. По материалам журнала «Русское обозрение» и его оппонентов // Тетради по консерватизму. 2020. № 3.
13. ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 126. Ед. хр. 8. Л. 11 об.
14. Полунов А. Ю. Живое самодержавие, Африка и Азия: к вопросу о взаимосвязи внутренней и внешней политики в России конца XIX — начала XX в. // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. XXVI. М.: Модест Колеров, 2018.
15. Российско-эфиопские отношения в XIX — начале XX в. Сборник документов. М.: Восточная литература, 1998. С. 138–139
16. Современная летопись // Русское обозрение. 1891. № 2.
17. Современная летопись // Русское обозрение. 1891. № 7.
18. Федоров В. [Машков В. А.] Абиссиния. Историко-географический очерк. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1889.
19. Хренков А. В. Россия и Эфиопия: развитие двусторонних связей (от первых контактов до 1917 г.). М.: Институт Африки РАН, 1992.
20. Spectator. Современные вопросы. I. Россия на распутье // Русское обозрение. 1894. № 10.
21. Spectator. Текущие вопросы международной политики. IV. Наши братья // Русское обозрение. 1890. № 7.
22. Spectator. Текущие вопросы международной политики. V. Г. Татищев и г. Стамбул // Русское обозрение. 1890. № 9.